

С. М. Червоная

«Реализм без берегов» Роже Гароди и понятие границ и берегов в советской идеологии

Аннотация: отталкиваясь от событий полувековой давности, связанных с появлением эстетического трактата Р. Гароди «Реализм без границ» и с идеологической кампанией в советских искусствознании и эстетике, осудивших эту концепцию, автор рассматривает комплекс проблем, касающихся постулата границы в общественном сознании, культуре, искусстве и политике тоталитарного государства. Выявляется системный характер противоречий советских культуры и идеологии: культ «государственной границы» — и стремление к внешней экспансии, установка на создание единой советской культуры и новой суперэтнической общности, на укрепление «морально-политического единства советского общества», на стирание внутренних границ (между городом и деревней, физическим и умственным трудом, национальными и цивилизационными ареалами) — и жесткая клановая система социалистического социума, внедрение номенклатурных размежеваний во все сферы жизни. Диалектическая сложность ситуации, отразившаяся в накале страстей вокруг формулы «реализма без берегов», заключалась в том, что как потребность в нерушимых границах, так и потребность в их разрушении была органически присуща мышлению и стремлениям противоборствовавших политических сил: коммунистической диктатуры, державшейся на изоляции общества от «буржуазного окружения», и оппозиции, искавшей выход в конвергенции разных миров, в укреплении связей между прогрессивными движениями, в разрушении навязанных ограничений, но одновременно выстраивавшей свои границы и сопротивлявшейся тому, что могло подвергнуть эрозии национальные традиции и духовные ценности.

Ключевые слова: культурология, искусствознание, идеология, искусство, культура в тоталитарном обществе, проблема границ, пропаганда, теория конвергенции, тоталитаризм, эмиграция.

Вряд ли сама по себе небольшая книга Р. Гароди «О реализме без берегов», появившаяся почти полвека тому назад¹, как и личность ее автора², могут представлять самоудовлетворяющий интерес в контексте проблемы границ в современной культуре. Вопрос, который не утратил актуальности, заключается в том, почему безобидный эстетический трактат, далекий от больших проблем коммунистической стратегии и международной политики, посвященный хоть и крупным, но все же частным, локальным (и очень далеким от простого советского человека, находившимся вне его кругозора) явлениям западноевропейской литературы и живописи, вызвал такую реакцию советских идеологов — бурю тщательно организованных и дирижированных Кремлем протестов. Кампания, начавшаяся еще до пражских событий 1968 г.

¹ *Garaudy R. D'un réalisme sans rivages*. Paris, 1963. Работа, которой предшествовало «Предисловие» Л. Арагона, состояла из трех очерков — трех творческих портретов выдающихся художников XX в.: живописца П. Пикассо, поэта С.-Ж. Перса и писателя Ф. Кафки. В Польше она была издана в прекрасном переводе Р. Матушевского. См.: *Garaudy R. Realizm bez granic*. Przedmowa Louis Aragona, Przekład i posłowie Ryszarda Matuszewskiego. Warszawa, 1967.

² Роже Гароди (род. в 1913 г.) — французский писатель, философ, участник движения Сопротивления, с 1945 г. член ЦК, с 1956 г. член Политбюро Французской Коммунистической партии. В 1970 г. исключен из ФКП как ревизионист. На склоне лет принял ислам; написал замечательную книгу «Мечеть как зеркало ислама»: *Garaudy R. Mosquée, miroir de l'Islam*. Paris, 1985.

(чехословацкий контекст с его «контрреволюцией», якобы зародившейся в литературных кругах, имел здесь непосредственное значение), продолжалась и после ввода в Прагу войск пяти стран — членов Варшавского договора, она сопровождала повороты политики СССР в годы «холодной войны», все акции подавления в нем инакомыслия. В эту кампанию были вовлечены не только теоретики, озадаченные тем, чтобы проследить отступления Гароди от марксизма³, но и «массы трудящихся». Направленная на разгром Гароди идеологическая кампания перелилась из хрущевской в брежневскую эру, в то время как многое другое, что утверждал, к чему призывал, что считал допустимым или недопустимым Н. С. Хрущев, после его снятия с руководящих

³ В качестве главных критиков Р. Гароди в Москве выступили: в журнале «Иностранная литература» (в январе 1965 г.) литературный критик Б. Сучков, вскоре после этого избранный членом-корреспондентом АН СССР (1968) и посмертно награжденный Государственной премией СССР (1975); в «Литературной газете» и на страницах журнала «Знамя» (в феврале 1965 г.) — профессор филологии, член-корреспондент АН СССР И. Анисимов; в искусствознании — главный авторитет в области марксистско-ленинской эстетики М. Лифшиц (См.: *Лифшиц М., Рейнгардт Л. Кубизм. Легенда о кубизме // Модернизм. Анализ и критика основных направлений*. Изд. 3-е, доп. М., 1980. С. 58–67. Задания на создание теоретических работ, призванных показать несостоятельность теории «реализма без берегов», спускались в научно-исследовательские институты из ЦК КПСС, где всем идеологическим фронтом руководил член Политбюро М. А. Суслов).

постов на Октябрьском Пленуме ЦК КПСС 1964 г. подверглось переосмыслению, торможению, опровержению. По отношению к идее «реализма без берегов» вожди советской державы, какие бы различия не были между ними, придерживались одинаковой (негативной, запретительной) позиции. В обществе торжествующего «социалистического реализма» никакого «реализма без берегов» не могло, не должно было быть; этот категорический императив, спущенный с самого верха, распространялся не только на сферу эстетической мысли и искусства, но и на всю систему общественной жизни, политического устройства, экономики, культуры. И не столько содержание сочинения Гароди, неведомое массам советских читателей, плохо понятое коммунистическими функционерами, не разбиравшимися в тонкостях литературы и живописи, сколько его броское название вызвало гнев и раздражение «отцов» советской идеологии. Они не признавали ценностей, находящихся за рамками социалистического строя, и отказывались воспринимать мир без границ, проходящих между социалистическим лагерем и его «буржуазным окружением».

Именно об этих границах, вымышленных и реальных, сакрализованных советской пропагандой и преодолеваемых на практике, хотелось бы поразмыслить и попытаться ответить на вопрос, насколько советское общество в целом и советское искусство, как его часть, в действительности были *ограничены*, отделены от окружающего мира проходимыми или непроходимыми барьерами.

Хорошо известна метафора «железного занавеса» (образ и символ жесткой, непроницаемой границы), опустившегося над советской страной, но не пора ли внимательно присмотреться к тому, какие просветы здесь возникали, какие границы изначально или со временем нарушались, когда, как и насколько подтачивала его разрушительная эрозия⁴ и, вообще, насколько выдвинутая А. Д. Сахаровым идея конвергенции с Западом (конвергенции прежде всего творческой, духовной, но также и следовавшей за этим с несокрушимой последовательностью экономической и политической) была утопична или имела шансы реализации при социализме, т. е. до, а возможно и без крушения СССР.

Первая, во многом очевидная гипотеза сводится к тому, что любой тоталитарный режим (в частности, тот, к которому привела огромную страну

⁴ Здесь хотелось бы обратить внимание на книгу, изданную К. Сарье, и одноименную выставку советских нонконформистов, организованную в Хельсинки в 1990 г., благодаря которым понятие «эрозия» получило глубокое идеологическое наполнение. См.: *Sarje K. (ed.) Erosion. Soviet Conceptual Art and Photography of the 1980s. The Pekka Halonen Collection, [Helsinki] 1990.*

Октябрьская революция) по самой своей природе мог существовать только в системе глухой изоляции от остального мира, за границами, охраняемыми всей военной мощью государства, осуществлявшего в данном случае эксперимент «построения социализма в одной отдельно взятой стране».

Понятие «границы на замке» было ключевым и в военной организации (пограничные войска относились к элите Вооруженных сил СССР и неслучайно находились в ведомственной компетенции всесильных органов государственной безопасности), и в гражданской практике (выезд из страны советских граждан и въезд в нее иностранцев были минимизированы и поставлены под жесткий контроль), и в самых разнообразных формах пропаганды, в том числе в литературе и в искусстве, прежде всего в кинематографе, объявленном В. И. Лениным «важнейшим из искусств», где на протяжении многих лет бурно расцветала и тщательно культивировалась особая «пограничная» романтика. Образ врага идентифицировался с личностью или группой, тайно пересекающей советскую границу и с этого момента представляющей собою грозную опасность для жизни советских людей; образ национального героя — с фигурой бдительного стража и мужественного защитника этой границы, готового отдать свою жизнь во имя нерушимости государственных рубежей.

При желании можно было бы проследить интереснейшие в геополитическом плане витки советской пограничной фантастики, обнаруживавшей и японских, и финских, и польских шпионов, и асов английской разведки, проникавших в СССР вместе с «бандами басмачей» через границы среднеазиатских республик, а в послевоенных фильмах и романах — американских шпионов, хитро пересекавших воздушные или морские границы СССР и непременно разоблачаемых и вылавливаемых стражами этих границ (поразительным образом только настоящие германские агенты, в большом количестве забрасывавшиеся в СССР гитлеровской разведкой накануне Великой Отечественной войны, редко фигурировали в такого рода бестселлерах и популярных фильмах).

Глухая изоляция советского общества от «заграницы» — максима политики сталинского периода. Она определяла крайний минимум той информации, какую мог получить человек о жизни за рубежами его великой Родины. Переводы зарубежной литературы, прокат зарубежных фильмов, контакты с иностранцами — все это было ограничено, порою (особенно в провинции) сведено к нулю. Культ границы пронизывал все формы воспитания, повседневную жизнь людей, не имевших возможности выезда за рубеж и особенно ценивших такую

возможность, когда она перед некоторыми категориями проверенных граждан открывалась.

Может быть, именно разрешение «временных выездов за рубеж» стало началом разрушения советской системы. Люди, вкусившие плод свободы, не хотели возвращаться назад — в выстроенный для них загон, окруженный высокими стенами. Возможно, если бы у строителей этого загона хватило сил для того, чтобы никого никогда не выпускать за его пределы, тоталитарный режим в стране сохранился бы значительно дольше, и по сей день, в пандан к Северной Корее, еще существовал бы Советский Союз, заливая на картах мира красным цветом крови шестую часть суши и наводя ужас на человечество рычанием аббревиатуры «СССР». Его разрушили не внешние враги, а те его собственные граждане, которые, порою задолго до чудесного Рождества 1991 г., нашли в себе силы переступить моральные, идеологические, правовые, культурные и многие другие границы. Железный занавес оказался дырявым; дыры были пробиты не с внешней, а с внутренней стороны самими узниками тоталитарной системы, выработавшими стратегию и тактику «ползучей революции», бескровной борьбы с властью в ее же конституционном поле. То, чего не удалось достичь с оружием в руках «зеленым братьям» (повстанцам, партизанам 1940-х гг.), героям «войны после войны» («War after War» / «Karas po karu»⁵), антикоммунистического подполья, сумели совершить «без пролития крови» профессора, художники, артисты, ученые, а порою и сами партийные функционеры, занимавшие высшие посты в обкомах и ЦК КПСС, возглавившие, как Б. Н. Ельцин, новую российскую демократию или ставшие во главе Народных фронтов Латвии и Эстонии, литовского «Саюдиса», украинского «Руха». Конвергенция, хлынувшая через границы неудержимыми потоками экономического сотрудничества, культурных контактов, политического сближения, репатриации бывших изгнанников, уничтожила тоталитарный режим, разрушила Советский Союз.

В парадигме «железного занавеса» совершенно понятно, что вызвало ярость у советских «товарищей» в неосторожных высказываниях французского марксиста Р. Гароди: «без берегов», без границ вся система была обречена на размывание, за «нерушимые границы» надо было бороться.

Однако существует и иной ракурс проблемы, и в этом ракурсе советский режим и его отношение к собственным границам предстает в совершенно ином свете. Дело в том, что вопреки советской де-

⁵ Под названием «Война после войны» («Karas po karu») известен выставочный и издательский проект, реализованный в 2007–2008 гг. в Литве; частично демонстрировался на выставке во «Дворе Артура» в Торуне в декабре 2007 – январе 2008 г.

магогии, строившейся, во всяком случае в послевоенный период, на лозунгах борьбы за мир, этот режим с самого начала и до конца зиждился на агрессии и экспансии. Он не мог, не хотел, не умел существовать «в своих границах», по каким бы широтам двух континентов эти границы не проходили. Идея перманентной «мировой революции» была положена в его основу; даже тогда, когда она ушла в тень советской пропаганды и формально была осуждена (вместе с троцкизмом), она продолжала питать советский режим, который мог существовать только непрерывно расширяясь и захватывая новые регионы. Историкам вряд ли надо напоминать о том, как недолго удержалась в своих границах Советская Россия, лишь на заре своей истории (и то непоследовательно, и то крайне неохотно) отказавшаяся от бывших колоний Российской империи; каким логичным с позиций Кремля был акт объединения контролируемых большевиками территорий в декабре 1922 г. в единый Советский Союз; как разбухал этот Союз впоследствии, приращивая к своим границам и принадлежавшие Российской империи, и никогда прежде ей не принадлежавшие земли — от Выборга, Балтии, Бессарабии, Восточных Кресов⁶, Кенигсберга до Тувы, Манчжурии и далеких Курил. Вся история Красной Армии — это история ее сражений за границами собственной страны, начиная с похода 1920 г. на Варшаву до афганской эпопеи конца 1970–1980-х гг.⁷ Разрушение собственных границ было максимумом советской политики не только в военном плане, но и во многих других, включая дипломатическую активность: расширение сферы собственных интересов (при Н. С. Хрущеве — до Кубы включительно), установление политического и экономического протектората над странами, попадавшими в зависимость от СССР; поиск разного рода союзников как вблизи собственных границ, так и в глубинах Азии и Африки; экспорт оружия в «горячие точки»; наконец, притязания на необитаемое пространство — на Северный и Южный полюса, Арктику и Антарктику, на космос. Советский Союз существовал как держава, не признававшая

⁶ Польское название территорий западной Украины, Белоруссии и Литвы, некогда входивших в состав Польши. *Прим. редакции.*

⁷ Гражданская война в России (1918–1920) сопровождалась интервенцией, в ходе которой войска Германии заняли большую часть Украины, Белоруссии и Прибалтики, войска Антанты (Великобритании, Франции), а также США и Японии — значительные территории на Севере, Юге и Дальнем Востоке, польские войска и переброшенные из Франции польские легионы генерала Ю. Халлера — значительные территории в Белоруссии и на Украине. Красная армия, начавшая против последних наступление 14 мая 1920 г., в августе потерпела поражение. В Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. войска гитлеровской Германии были остановлены советскими войсками под Москвой. *Прим. редакции.*

границ: ни этических, ни лежащих в нормах международного права, ни установленных мирными договорами (за исключениями тех, которые были СССР выгодны или им самим продиктованы, как ялтинские соглашения).

В контексте «безграничного» Советского Союза, его безбрежной экспансии, мысль, заключенная в формуле Гароди (возможно, даже не подозревавшего, на что он покусается, говоря о мире «без берегов»), могла вызвать раздражение Кремля как выданная тайна, как досадная откровенность соратника, проболтавшего о том, что перед лицом мирового общественного мнения приличнее было бы скрывать. Страна, где пели «Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна...», на самом деле тянула свои руки и к турецкому берегу, и к далекой Африке, и к Индийскому океану⁸, но не хотела, чтобы эти ее намерения были демаскированы ни в 1963 г., когда столь неуместно с советской точки зрения выступил Р. Гароди, ни в иные годы, до сегодняшнего дня включительно.

До сих пор мы вели речь о внешних границах той системы, какую представлял собой Советский Союз, — о границах, которые выглядели жесткими, «пуленепробиваемыми», но постоянно менялись, расширялись, расплзались по широким просторам Евразии. Обратимся теперь к тому, что можно считать внутренними границами — перегородками и барьерами внутри советской системы. Здесь также со всей очевидностью выявляется дихотомия, диалектическая амбивалентность этой системы.

Поразительным парадоксом коммунистической идеологии и практики было культивирование внешних и систематическое разрушение внутренних границ. Внутри советского пространства господствовала тенденция к полной интеграции.

На принципах «единства народно-хозяйственного организма» строилась вся экономика: на хлопке, собранном на полупрабовладельческих плантациях Узбекистана, держалась ивановская текстильная промышленность; машиностроение, развитое в некоторых областях и республиках, зависело не только от сырьевой базы, но порою и от производства необходимых для этого машиностроения составляющих, поступающих из других республик и областей. Интеграции подлежали культуры народов СССР, средства массовой информации, формы образования, мировоззрения, самосознания. Вместо «национального многообразия» и «дружбы народов» в поздний брежневский период была предложена модель «суперэтнической

⁸ Выросший в этой системе как политик и востоковед В. В. Жириновский не случайно обещал русским солдатам, что они смогут мыть сапоги в Индийском океане. См. об этом: *Conradi P. Schirinowski und der neue russische Nationalismus. Düsseldorf, 1995.*

общности советских людей — единого советского народа». Советское общество должно было формироваться как единая масса, как перемешанный миксером социальный и национальный коктейль («единый советский народ») с общей моралью, общей культурой, с единым мышлением. Существовало идеологическое понятие — «морально-политическое единство советского народа».

Быт коммунальных квартир был формой существования общества без внутренних границ — тех границ, какими столетиями служили человеку прочные стены родного дома. Подрыв частной собственности означал их разрушение. Для коммунистической идеологии враждебной была «мелкособственническая» крестьянская психология, выраставшая на основе ощущения границ своего хозяйства, своего земельного надела, своего поля. Колхоз был классической моделью, ячейкой общества без границ. Популярный шлягер брежневской эпохи, который нередко цитируют социологи, изучающие советское общество, — «Мой адрес — не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз». «Дом», «улица» — это система внутренних границ, и СССР становился символом их стирания. Идеологема стирания различий между умственным и физическим трудом, между городом и деревней также работала на создание общества без внутренних границ. Всемерно поощрялось чувство коллективизма. Границы частной жизни индивидуума, переступать которые не позволяла «буржуазная» этика, игнорировались. Положительным считалось единение фактически уже неразличимых в советской униформе национальностей. Президент Академии художеств Б. С. Угаров, воспитанный в вузе конца 1930-х гг., с искренней ностальгией вспоминал студенческую юность: «Мы даже не знали, кто из нас какой национальности!»⁹. Смешение национальностей, стирание индивидуальностей предполагалось в армии, в трудовых и студенческих коллективах; все это начиналось даже не со школы, а с детского сада. Конечной, завершенной, по-своему идеальной моделью «социалистического лагеря» был настоящий лагерь — архипелаг ГУЛАГ, опутанный колючей проволокой по внешнему периметру, унифицированный внутри: общие бараки, общие нары, общие клозеты, общие нормы бригадного труда не оставляли заключенному никакого пространства, **ограниченного** миром его личных потребностей, желаний, возможностей.

Чем жестче держалась «на замке» внешняя граница Советского Союза, тем решительнее разрушались внутренние барьеры. Из одной республики в другую можно было проехать на поезде,

⁹ Из выступления Б. С. Угарова на заседании Президиума Академии художеств СССР 13 июня 1989 г. Записано автором.

на машине, пройти пешком, даже не заметив, не обнаружив никакой разделительной черты между ними; пограничные знаки, если и имелись, носили чисто условный характер. Никакого таможенного контроля; единая денежная система, единое юридическое поле... В этом отношении даже границы штатов в США были гораздо более рельефно обозначены, нежели границы между союзными республиками, формально (по Конституции СССР) считавшимися самостоятельными государствами и имевшими право выхода из СССР.

Однако и эта внутренняя «безграничность» советской системы была относительной. Действительность приходила в противоречие с установками на создание единого, бесклассового, внутренне не дифференцированного общества, в котором были бы осуществлены коммунистические утопии «городов Солнца», открытых для всего человечества. В борьбу с программой безграничного слияния вступали одновременно два независимых друг от друга и даже противоположных друг другу фактора. Первый формировала сама власть. Второй формировался в оппозиции к этой власти.

Трудно переводимые с русского языка (точнее, с чиновничьего жаргона) понятия «бронь», «номенклатура» и т. п. были показателями жестких границ внутри общества. Продолжая настаивать на построении бесклассового общества, советское руководство практиковало в действительности весьма последовательное разделение общества если не на классы и сословия по старому, дореволюционному образцу, то на новые касты. Так было безусловно легче управлять многомиллионным народом.

В определенные границы была заключена постепенно формировавшаяся в советской стране партийно-государственная номенклатура. После последней высокой волны сталинского террора, обрушившегося в 1937 г. на вершины этой номенклатуры, не щадившего ни маршалов, ни министров, ни секретарей обкомов и ЦК, ни писателей, артистов и ученых мировой известности, режим уже не позволял себе такой роскоши, как разрушение собственной элиты, и принадлежность к номенклатуре гарантировала представителям этой прослойки безопасное и привилегированное существование. Границы номенклатуры были жестко очерчены; со временем все более совершенствовавшаяся, почти виртуозная советская кадровая политика и кадровая система (по сталинскому завету «кадры решают все») заключались в особом искусстве выстраивания этих границ, к которым даже близко не допускались посторонние и из которых редко выходили (выпадали) те, кому удалось в номенклатуру попасть. Механизмами, укреплявшими данные границы, служили разнообразные

формы фиксированного персонального членства в тех или иных организациях и накладываемые этим членством обязательства (прежде всего обязательства сохранения корпоративной тайны). Это в первую очередь касалось членства в Коммунистической партии. До последних лет перестройки практиковались закрытые партийные собрания; на них зачитывались письма ЦК, обкомов, райкомов, содержание которых должно было составлять тайну, доступную лишь членам партии. Даже решения XX съезда КПСС с разоблачением «культ личности» Сталина зачитывались в 1956 г. только на закрытых партийных собраниях.

Партия при всей ее массовости составляла отграниченный от остального общества организм, что находилось в прямом противоречии с пропагандистской риторикой, утверждавшей: «Народ и партия едины». Еще более высокие границы членили партийный организм на находившиеся в иерархической пирамиде группы и кланы — номенклатуру районного, областного, республиканского масштаба, работников аппарата, членов ЦК и, наконец, членов Политбюро. Конечно, кадровая диффузия имела место: человек мог «вырасти» и попасть в номенклатуру, его могли передвинуть на иной уровень, но эти передвижения не означали разрушения клановых границ.

По образцу правящей партии формировалось членство в некоторых других общественных организациях, также отграниченных от остального общества и имевших внутренние барьеры между кланами и группами. Речь идет прежде всего о «единых творческих союзах», созданных в развитие решения ЦК 1932 г. о ликвидации свободных художественных группировок.

Действие второго фактора также было направлено на разграничение внутреннего советского пространства, но цели, причины и действующие силы здесь были иные, не имевшие ничего общего с советской кадровой политикой и клановой системой. Оппозиция, «эрозия», сопротивление режиму были направлены одновременно на размывание, разрушение, расшатывание его внешних границ и на защиту естественных (прежде всего национальных) границ внутри «социалистического лагеря» и внутри Советского Союза.

Идеологи и вожди «социалистического лагеря» охотно распространили бы советскую общность на все страны «социалистического содружества». Организованная в конце 1958 г. в Центральном выставочном зале Москвы «Выставка искусства социалистических стран» была первой (впрочем, неудавшейся) попыткой продемонстрировать идеологическое и стилистическое единство искусства всех стран «социалистического лагеря» — от Ки-

тая до Польши. Творческие силы субъектов и объектов такой интеграции отчаянно сопротивлялись, не принимая парадигму «котла национальностей». Сопротивление в Восточной Европе было настолько сильным, что Кремль вынужден был отказаться от дальнейших попыток слияния культур братских стран и демонстрации такого слияния. Внутри советской страны возможности творческой интеллигенции были значительно меньше, но и здесь стремление к сохранению собственного национального лица оставалось очевидным. Вопреки политике русификации в республиках сохранялись школы с преподаванием на языках коренных народов, национальные театры, очаги развития национальных литератур, бережного развития народного творчества и самобытного фольклора. Даже близкие друг другу художественные школы Балтии не хотели сливаться в «прибалтийском котле», их представители дорожили своими национальными границами, настаивая на неповторимом своеобразии литовского, латышского, эстонского искусства.

Особую роль в сохранении внутренних национальных границ между народами и республиками (а на этой и только на этой основе оказалось возможным разделение СССР на 15 новых независимых государств) и одновременно в размывании внешних границ, отделявших культуру СССР от остального мира, сыграла эмиграция. Хотя и в разной степени, но практически все народы СССР к концу XX в. обладали силами собственной политической, научной, творческой эмиграции, концентрировавшейся в США, в Западной Европе, рассеянной по другим континентам. Для русской культуры первостепенное значение имела эмиграция первой послереволюционной волны, для украинцев, литовцев, латышей, эстонцев и других народов, втянутых в драматические перипетии Второй мировой войны, — эмиграция середины 1940-х гг. Казалось бы, с течением десятилетий дистанция между народами СССР и силами их национальной эмиграции должна была увеличиться настолько, чтобы даже памяти об эмигрантах не осталось в советской стране. Коммунистический режим на протяжении многих лет предпринимал все меры для того, чтобы пресечь любые контакты, избежать влияний «оттуда», запретить даже упоминание о тех, кто «ушел на Запад». Здесь барьеры внутри каждой национальной культуры должны были бы вырасти до высоты Гималаев. Цензоры следили за тем, чтобы имена эмигрантов не проскользнули в печати; произведения писателей-эмигрантов оказывались в недоступных «спецхранах» библиотек; произведения художников-эмигрантов изымались из музейных экспозиций, даже если эмигрантами оказывались великие мастера, основоположники и

классики национальной культуры и безупречные реалисты (такие, как украинец Ф. Кричевский или латыш В. Пурвит).

Трудно сказать, почему эти усилия лопнули. Видимо, чего-то недосмотрели советские цензоры и недооценили идеологи высшего ранга, махнув рукой на якобы уже не опасных стариков, доживавших свой век или давно скончавшихся на чужбине, разрешив во имя соблюдения международного политеса упоминать имена великих отечественных изгнанников и показывать их работы на выставках, глядя сквозь пальцы на несанкционированные инициативы такого рода. Главной причиной были именно такие инициативы, все более настойчивые, все более последовательные и смелые, осуществляемые одновременно в разных республиках и нередко защищенные авторитетом высоких общественных инстанций, научных институтов, крупных деятелей культуры¹⁰. Я хорошо помню, как шел этот процесс в литовском искусствоведении. Еще в 1950-х гг. нельзя было упомянуть (физически нельзя, потому что вмешивалась цензура) ни одного имени эмигранта в очерках по истории литовского искусства, и первые издания выходили как оборванные, прерванные на полуслове, с ощутимым внутренним вакуумом там, где должны были стоять имена ведущих мастеров Каунасской художественной школы, покинувших Литву в 1944 г.¹¹ Уже в первой изданной на русском языке в Ленинграде краткой истории литовского искусства¹² мне вместе с моим литовским соавтором профессором К. Богданасом удалось, кажется, впервые, обойдя цензурные рифы, сказать о вкладе в национальную культуру Литвы таких эмигрантов, как А. Галдикас, В. Визгирда, В. Йонинас, Т. Валюс. Новые возможности открылись и перед научной литературой на литовском языке. А. Савицкас, сын умершего в эмиграции в Париже известного литовского писателя и дипломата Ю. Савицкаса, в исследовании литовской пейзажной живописи¹³ не обошел молчанием ни одного из мастеров этой живописи, оказавшихся в эмиграции. В 1983 г. вышел коллективный труд литовских искусствоведов, посвященный искусству Литвы XX в.¹⁴ (правда, рассматривался этот век только до 1940 г.), в котором литовские художники-эмигранты заняли достойное место в истории национальной культуры,

¹⁰ Такая защита потребовалась при организации выставки «Москва – Париж», открытой в июне 1981 г. в Государственном Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

¹¹ См., например: Литовское изобразительное искусство / Сост. П. Гудинас, Э. Юренас. Вильнюс, 1954.

¹² Червоная С., Богданас К. Искусство Литвы. Л., 1972.

¹³ Savickas A. Peizažas lietuvių tapyboje. Vilnius, 1965.

¹⁴ XX a. lietuvių dailės istorija. 1900–1940. T. I–II. Vilnius, 1982–1983.

адекватное их творческому вкладу в эту культуру и не зависящее от их местопребывания к началу 1980-х гг. «за границей», в явно враждебном Советскому Союзу мире. Наконец, открытая в 1989 г. в Вильнюсском художественном музее и сопровождаемая научным каталогом¹⁵ выставка «ушедших из Литвы» художников вернула все ценности литовской послевоенной эмиграции отечественной национальной культуре.

Эмигранты не вернулись в Литву «с мечом», в освободительных армиях, в рядах интервентов, как на это отчаянно надеялись одни их соотечественники и как этого смертельно боялись другие, ставшие на путь сотрудничества с советским режимом. Они вернулись иначе и гораздо раньше, чем была восстановлена государственная независимость Литвы: на волнах духовной конвергенции, культурного сотрудничества, неуклонного сближения искусственно разделенных частей единой национальной культуры, на пути реального разрушения искусственных границ и размывания бе-

регов истинного искусства — истинного реализма, знаменем которого в равной мере были Ю. Веножинскас, Ю. Микенас, А. Гудайтис, С. Красаускас в советской (оккупированной, но не уничтоженной) Литве и сумевшие сохранить литовскую идентичность на крутых перекрестках чужих континентов В. Петравичюс, В. Визгирда, П. Домшайтис, Т. Зикарас, К. Жиромскис и многие другие прекрасные литовские художники Европы, Америки, Африки и Австралии XX в. Их возвращение в Литву было началом неудержимого процесса ее освобождения от советской тирании.

В этом контексте можно понять, какой пророческой силой обладала даже не концепция (была ли такая?), но сама литературная формула Р. Гароди, предложившего миру уже в 1960-х гг. реализм без берегов и границ, и какую опасность представляла она для режима, уже обреченного ходом истории, но отчаянно пытавшегося удержать под своим контролем все произвольно установленные и произвольно уничтоженные им границы.

Список литературы:

1. Бобринская Е. Русский авангард и границы искусства. Очерки визуальности. М., 2006.
2. Из истории художественной жизни СССР. Интернациональные связи в области изобразительного искусства, 1917–1940: материалы и документы. М., 1987.
3. Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. М., 1994.
4. Модернизм. Анализ и критика основных направлений. Изд. 4-е, перераб. и доп. / Под ред. В. В. Ванслова и М. Н. Соколова. М., 1987.
5. Москва – Париж. 1900–1930. Изобразительное искусство. Прикладное и промышленное искусство. Архитектура и градостроительство. Агитационно-массовое искусство. Плакат. Театр. Литература. Музыка. Кино. Художественная фотография. М., 1981.
6. Москва – Берлин. Berlin – Moskau. 1900–1950 / Hrsg. von Irina Antonowa und Jörn Merkert. München; N. Y., 1995.
7. Турчин В. С. Образ двадцатого... в прошлом и настоящем. М., 2003.
8. Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994.
9. Червонная С. М. Взаимодействие художественных культур народов СССР. М., 1982.
10. Червонная С. М. Искусство как инструмент тоталитарной идеологии // Социальное согласие против правого экстремизма. Вып. 3–4 / Отв. ред. Л. Я. Дадзани и Г. М. Денисовский. М., 2005. С. 245–312.
11. Червонная С. М. Полиэтнический комплекс искусства народов СССР и пути его исследования // Советская этнография. 1991. № 6. С. 13–25.
12. Der Fremde als Bereicherung. Hrsg. Von Matthias Theodor Vogt, Jan Sokol, Dieter Bingen. Schriften des Collegium Pontes im Peter Lang Institut. Frankfurt am Main, 2010.
13. Garaudy R. D'un réalisme sans rivages. Paris, 1963.
14. Garaudy R. Mosquée, miroir de l'Islam. Paris, 1985.
15. Garaudy R. Realizm bez granic / Przedmowa Louis Aragona; Przekład i posłowie Ryszarda Matuszewskiego. Warszawa, 1967.
16. Granice i świat współczesny / Pod red. Zbigniewa Karpusa i Beaty Stachowiak. Toruń, 2010.
17. Polskie pogranicza w procesie przemian / Pod red. Zbigniewa Kurcza. Wałbrzych, 2011.
18. Sarje K. (ed.). Erosion. Soviet Conceptual Art and Photography of the 1980s. The Pekka Halonen Collection. [Helsinki], 1990.

¹⁵ Lietuvių išėivijos dailininkų paroda: Katalogas. Vilnius: Dailės Muziejus, 1989.

Bibliography:

1. Bobrinskaya E. Russkiy avangard i granitsy iskusstva. Ocherki vizual'nosti. M., 2006.
2. Iz istorii khudozhestvennoy zhizni SSSR. Internatsional'nye svyazi v oblasti izobrazitel'nogo iskusstva, 1917–1940: materialy i dokumenty. M., 1987.
3. Kul'turnoe nasledie rossiyskoy emigratsii. 1917–1940. M., 1994.
4. Modernizm. Analiz i kritika osnovnykh napravleniy. Izd. 4-e, pererab. i dop. / Pod red. V. V. Vanslova i M. N. Sokolova. M., 1987.
5. Moskva – Parizh. 1900–1930. Izobrazitel'noe iskusstvo. Prikladnoe i promyshlennoe iskusstvo. Arkhitektura i gradostroitel'stvo. Agitatsionno-massovoe iskusstvo. Plakat. Teatr. Literatura. Muzyka. Kino. Khudozhestvennaya fotografiya. M., 1981.
6. Moskva – Berlin. Berlin – Moskau. 1900–1950 / Hrsg. von Irina Antonowa und Jörn Merkert. München; N. Y., 1995.
7. Turchin V. S. Obraz dvadtsatogo... v proshlom i nastoyashchem. M., 2003.
8. Tsenosti i simvoly natsional'nogo samosoznaniya v usloviyakh izmenyayushchegosya obshchestva. M., 1994.
9. Chervonnaya C. M. Vzaimodeystvie khudozhestvennykh kul'tur narodov SSSR. M., 1982.
10. Chervonnaya C. M. Iskusstvo kak instrument totalitarnoy ideologii // Sotsial'noe soglasie protiv pravogo ekstremizma. Vyp. 3–4 / Otv. red. L. Ya. Dadiani i G. M. Denisovskiy. M., 2005. S. 245–312.
11. Chervonnaya C. M. Polietnicheskyy kompleks iskusstva narodov SSSR i puti ego issledovaniya // Sovetskaya etnografiya. 1991. № 6. S. 13–25.
12. Der Fremde als Bereicherung. Hrsg. Von Matthias Theodor Vogt, Jan Sokol, Dieter Bingen. Schriften des Collegium Pontes im Peter Lang Insitut. Frankfurt am Main, 2010.
13. Garaudy R. D'un réalisme sans rivages. Paris, 1963.
14. Garaudy R. Mosquée, miroir de l'Islam. Paris, 1985.
15. Garaudy R. Realizm bez granic / Przedmowa Louis Aragona; Przekład i posłowie Ryszarda Matuszewskiego. Warszawa, 1967.
16. Granice i świat współczesny / Pod red. Zbigniewa Karpusa i Beaty Stachowiak. Toruń, 2010.
17. Polskie pogranicza w procesie przemian / Pod red. Zbigniewa Kurcza. Wałbrzych, 2011.
18. Sarje K. (ed.). Erosion. Soviet Conceptual Art and Photography of the 1980s. The Pekka Halonen Collection. [Helsinki], 1990.